

ОЛЬГА БЛЮМИНА

ПРЕОДОЛЁННОЕ ВРЕМЯ ВАСИЛИЯ КАЗАНЦЕВА

Василий Казанцев. Взлёт. Избранные стихотворения. — М.: Редакционно-издательский дом “Российский писатель”, 2021.

“Взлёт” — последняя книга Василия Казанцева, которую он готовил. Увидеть её опубликованной поэт не успел. Издание получилось посмертным. В послесловии к сборнику Татьяна Бурдакова, помогавшая Василию Ивановичу в работе над книгой, вспоминает: “Он знал, что книга выйдет, когда его уже не будет, так мне сразу и сказал. Но был счастлив, что она готова...” До последних дней Василий Казанцев чувствовал себя, в первую очередь, творцом. Внутреннее пламя светило ровным, неколеблемым светом, словно и не существует вокруг ледяных ветров времени.

Такое доверие судьбе — оборотная сторона чувства доверия времени, свойственное поэту. Не случайно открывают книгу стихотворения о времени, они идут одно за другим: созданное в 1978 году “Что прекрасно, а что безобразно” и в 2007-м — “Ночь пролетела”. Оба они написаны в форме одного из любимых приёмов Казанцева — диалога. В первом, исключительно философском диалог превращён в разговор с самим собой, лирический герой задаёт вопросы себе, но вопросы эти отнюдь не риторические:

*Что прекрасно, а что безобразно,
Разберёт, не жалеючи сил,
Только время... Но время — пристрастно.
Разве ты не во времени жил?*

*Разве времени вечное бремя
Ты не слышал, по жизни идя?
...Сам ты разве не вечное время,
Отгремевших времён судия?*

В первом стихотворении герой “взвешивает на руках время”, как сказал когда-то Вадим Кожинов, а взвешивая, словно оценивает степень его тяжести. Во втором — природа спрашивает голосами её обитателей, почему переменчив окружающий пейзаж, и объяснение этому непостоянству может дать тот, кто сам неуловим, как время, и почти так же силен, как оно, — ветер:

*Ночь пролетела. И в утренний лес
Вновь я вошёл. Предо мною*

*Вид неизменный, знакомый исчез.
Всё предо мною — иное.
— Это светлее сверкнула сосна, —
Птица пропела лесная.
— Это пришла, прилетела весна, —
Птица пропела другая.
— Это другой, незнакомый предел, —
Пискнула пеночка-кроха.
...Ветер чуть слышно пропел, прогудел:
— Это*

*Другая
Эпоха.*

Объединяет оба стихотворения уникальное умение поэта брать от времени только необходимое, ровно столько, сколько нужно. Существо вопроса, обращённого к себе: “Разве ты не во времени жил?” — в том, что поэт и сам чувствует непрочность своих связей с эпохой. Как будто бы до конца не уверен, был ли он со временем или время миновало его.

И в самом деле, поэзия Василия Казанцева — надэпохальна. Голос его тих, но это тишина всепроникающая, шёпот мироздания. Художник говорит от имени самого времени, целостной, неделимой субстанции, которая не наступает и не отступает, а пребывает: *И день припомнившийся тот // Вдруг чётко в памяти возникнет. // Как будто кто-то позовёт, // Знакомым голосом окликнет. // И снег, что всё запорошил // Под посветлевшим, низким небом, // Задышит озером, где жил, // И морем, где ни разу не был* (“Я оглянусь — и предо мной...”); *День молодой горит. Солнце плывёт в воде. // В воду идёт весло, ровен и влажен звук. // Это не в дымке лет. И не вчера. Сейчас* (“Быстро бежит река”).

В одном из поздних стихотворений (2008) читатель и поэт говорят о творчестве, однако мысль о том, что разговор этот слышит объект воплощения — природа, не вызывает никаких сомнений. Таким образом, перед нами разговор троих, только один из них, пассивный участник, настолько олицетворённый во второй и четвёртой строфе, что создаётся впечатление абсолютной равновеликости природы и человека и неограниченности творческих возможностей последнего. А образ мира представлен трёхчастной осуществлённой моделью: творец-искусство-природа:

*— Так славно пишешь ты природу,
Так ярко светится она.
А ты чему берёшь в угодую
Лишь только светлые тона?*

*— А чтоб природа увидала,
Как лучезарно может цвести,
И чтоб ещё светлее стала
И веселей она, чем есть.*

*— Но ведь она не вся ж такая.
Есть и несветлые черты.
И почему, стихи слагая,
О них совсем не вспомнишь ты?
— Боюсь, что вдруг природа глянет
На столь несветлые тона —
И вдруг намного хуже станет,
Чем в самом деле есть она.*

Узнаваемый и неузнаваемый мир дарит художнику не более секунды проникновения в свою тайну в стихотворении “Художник плавно кистью водит”. Ведь всю свою жизнь поэт копит впечатления и возможности, чтобы однажды (мы зовём это вдохновением) молнией, соединяющей небо и землю, блеснуть ярким мгновенным светом озарения. Подошедший к художнику пастух

видит, как постепенно возрождается прекрасный реальный мир на холсте, может быть, впервые замечая, “как ярко, солнечно цветёт” он. Но стоит ему перевести взгляд с картины на луг, и тут же становится очевидным разрыв между двумя действительностями. И оценить, в чём же состоит разница, пастух, а вместе с ним и читатель, не может. Молниеносное чувство нераздельности мироздания исчезло.

Желание лирического героя Василия Казанцева дойти “до самой сути” осуществляется в постижении мгновений, когда время утрачивает власть над человеком, потому что оно схвачено и отлито в единственно возможной форме – поэтической: *И от движения такого – // Из глубины на свет высот, // И снова вглубь времён с высот – // От повторения такого // Вновь, вновь идёт на взлёт, на взлёт (“Опять и снова”); Это ясноглазая природа // Из давно светившегося года, // Из давно промчавшегося года // Смотрит просто-душно на меня?.. // Из ещё не сбывшегося дня? (“Солнечный, не низок, не высок”); Лес волнами течёт с горы. // Да зыблется среди жары // Забытое стихотворенье, // Как лёгкий столбик мошкеры (“На пастбище”).* Миг соединения оборванных связей в стихах Василия Казанцева – ещё и своеобразный вызов времени, отрыв от него.

Отношения со временем Василия Казанцева можно определить формулой “здесь и сейчас”. И в этом смысле поэт не то, чтобы вне времени, он просто больше, чем всё, что мы вкладываем в это понятие. Как и автор (участник акта творчества) неизмеримо больше представления о реальной личности: *Шагал своей дорогой он. // И сосны тихо пели. // И был намного больше он, // Чем был // на самом // деле (“Был летний солнечный денёк”).* Принимающий на себя время поэт наделяет его другими, непривычными качествами. В стихотворении “Хлеба пололи. Пела мошкара” даже структурно разделённая временем жизнь сплетается в единый клубок, в котором далёкое и близкое перепуталось, сплелось: в первом шестистишии далёкое представлено глаголами прошедшего времени, а во втором – близкое – глаголами в настоящем времени. Но когда и как мальчик и взрослый поменялись местами, нам не открыто:

*Хлеба пололи. Пела мошкара.
Сгребали сено. Мучила жара.
Дорога прогибалась под возами.
Зелёной ветви колыхалась плеть.
На всё, на всё хотелось посмотреть
Неведомого взрослого глазами.*

*Пронесётся, как ветер, поезда.
И годы, и леса, и города.
Восходят и проходят. За годами
Бегут года... С зелёным полем слит,
Далёкий мальчик на меня глядит
Неведомого взрослого глазами.*

Герой Василия Казанцева всегда стоит на пересечении миров, здесь и сейчас удерживая земли и звёздной выси связь (“Сейчас и здесь взлетела песня”), как бы замыкая цепь времён и даже материализуя отвлечённые понятия: вечность, время, о чём он прямо говорит в стихотворении “Как быстро выросла сестрёнка”: *Само таинственное время, // Своей доступностью дразня, // Материальным став на время, // Стоит и смотрит на меня.* И снова – диалог, на сей раз безмолвный, снова взаимность взглядов, таинственное взаимопроникновение. Здесь и сейчас, воспетое Василием Казанцевым, – это узловая космическая станция, где сходятся вечности пути. И он, живущий здесь и сейчас, сам становится точкой отсчёта для дальнейшего хода времён, концы которых держит в своих руках. Оттого-то и вольно дышать ему в своём времени и отзываться “восторга” словами на жизни чудо, дарованное ему. Оттого-то “страха времени нет”, потому что сегодня, сейчас он знает то же, что открылось ему сорок лет назад:

*Принимаю как должное
От стремительных лет*

*Невнимание долгое,
Этот поздний привет.*

*И внимание долгое,
Строгость пристальных лет
Принимаю как должное.
Страха времени нет.*

Смею предположить, что автор “времени вечное бремя” даже не замечал. Не будучи придавлен смыслами времён, он вправе сказать о себе: *сам ты разве не вечное время? // отгремевших времён судия* (“Что прекрасно, а что безобразно”). Только и судейство его неотмирно. Это суд поэта. И продолжение через сорок лет темы стихотворения 78-го года столь же естественно, сколь и удивительно. Поэт улавливает такие сдвиги в пространстве, которые для обыденного сознания даже не существуют. Сквозь одну эпоху проглядывает другая, которая никуда не уходит, но и не остаётся прежней – моделируется сама суть мироздания, изменяется дух естества. Природа, к которой так чуток поэт, смотрит на него немного поменявшими цвет глазами: *Я оглянусь – и предо мной // Вдруг на какое-то мгновение // Предстанет улица иной, // В забытом, странном освещенье* (“Я оглянусь – и предо мной”); *... Лист на деревце, // Судьбы услыша приближенье, // Сейчас изменится в лице* (“Темнеющая высь клубится”); *Кусты над берегом песчаным, // Как изменяетесь вдруг вы, // Вдруг окружённые туманом // Густой, пробившейся листвы* (“Кусты над берегом песчаным”).

Формы поэтического бытия зависимы от времени, как зависимо искусство вообще от исторических условий. Но вместе с тем оно автономно от каких бы то ни было влияний сменяющихся эпох, ибо подлинный творец всегда находится в самой сердцевине мироздания. Его субъективизм обретает черты, воплощающие целостность бытия народа. О дивной связующей силе *воздушно-тонкие слова* шепчет поэту *воздушно-тонкая листва* и то, “какая сила в них была, // Лесная птица разъяснила. // А что и птица не смогла, // Моя душа договорила” (“Воздушно-тонкая листва”). В стихотворениях, написанных тридцатью-сорока годами раньше, – та же равновеликость человека и мироздания: *Это мы отразились в недвижных озёрах // Плоскостях-зеркала стекленеющих льдов. // В опрокинутых высях – застывших узорах // Светлых, тёмных, к воде подступивших кустов* (“Это мы отразились в недвижных озёрах”); *... Сплю. И, рук моих создание, // Надо мной и подо мной // Кругом ходит мирозданье // С вышиной и глубиной* (“Июль”).

В одном из тончайших и монументальных стихотворений “Холодны, высоки, тяжелы” образ времени слит с традиционным символом течения вод. Речные валы в нём тревожны, неотступны, губительны. Неотвратимость, гибельность эсхатологических времён воплощена в образе человеческой толпы, накопившей за годы и века грехи и влекомой бешеным потоком страстей: человек времён становится толпой. Необыкновенно жизненный ускользающий образ – разрушительность времени заключена в нём самом. Представитель времени, единственная его живая, изменчивая реальность – человеческая масса, в совокупной своей обезличенной силе, – и причина, и следствие неминуемости Нового потопа. Ибо не слышит оглушительного рёва рек – жестоких человеческих времён. Но и в этом водовороте есть Один, который видит и слышит. Поэт – человек в океане людей. Ему даны третий глаз и сила быть неподвластным времени. Он владеет Словом, которое вне времени, – это Вечный Ковчег. Только Слово способно возродить Человека. Владимир Фёдоров считал “поэтическое бытие” высшим “по своему онтологическому статусу” и совпадающим по типу с бытием Слова (в христианстве Бог-Слово), содержанием которого является любовь. Автор сможет овладеть этой высшей онтологической формой только в том случае, когда любовь для него становится высшей ценностью. В таком опыте поэтического бытия происходит преодоление конфликта между человеком жизненным и человеком словесным (созданным Словом). Энергия бытия поэтического высвобождается вовне, помогая человеку (читателю) в восхождении к высшим, надматериальным формам бытийности. По этой же самой причине для Марины Цветаевой важно было родиться в день Иоанна Богослова, а не накануне. Предначертанность пути и мучительное избрничество говорящего

именем народа и повелевающего временем осуществимо только в осознании своей единородности Высшему Слову.

В стихах Василия Казанцева почти нет тоски по ушедшему: “Страху времени нет”. Это не означает, что поэт не видит в жизненной реальности печали. И всё-таки слышит он не простую печаль, а высшую, единую с восторгом бытия. Радость и печаль — два душевных предела, между которыми распределяются все прочие силы человека. Дотянуться до вышней печали — значит воплотить извечное человеческое стремление к чувству целого. Среди многих дорог в мире Василия Казанцева у горя самая короткая, она даже не столько короткая, сколько исчезающая в извилах счастливых дорог и тропок. Одна из важнейших черт поэтического времени Казанцева — для завершенности бытия характерна эмоционально-временная завершенность — начало, слитое с концом, тоска, поглощённая сияющей бесконечностью:

*Глубина и прозрачность в природе.
Успокоился лес, не шумит.
В опустевшем лесу на колоде
Человек, пригорюнясь, сидит.*

*Но кручина его — не кручинна,
А легка и добра. И светла.
И летуча. Она беспричинна.
Неизвестно откуда пришла.*

*Шелест, свет в ней и дальняя сойка,
И блестящая тонкая нить.
И печали в ней ровно настолько,
Чтобы счастьем законченным быть.*

Если всмотреться в структуру образа, то становится очевидным его цикличность. Получается неожиданное — подъём к счастью через печаль, и печаль оказывается замкнутой в кольце из радостных и светлых воплощений. Словно запертой на замок. У Казанцева вообще нет движения назад, вспять. Без горечи, без сожаления говорит он о том, что, возможно, чего-то недополучил от жизни, ибо то, что он получил от неё, неизмеримо выше всех утрат. Редкий дар для “одинокой”, во всём разочарованной современной поэзии.

В далёком 57-м году поэт утверждал: Я сделаю сущее чудо — // Я время разведу, как дым. // Я буду всё тем же, я буду, // Я буду всегда молодым (“...И думать о жизни бродячей”). Василий Казанцев доносит до нас неповреждённый мир, чистый, ясный, ликующий, давая возможность и нам причаститься восторгу бытия:

*Над плотной насыпью привстав,
Напряжена, пряма, отлога,
Как оглушительный состав,
Рванулась вдаль — и ввысь — дорога.*

*Тугой струной, прямой, стальной,
Звенящая затрепетала.
И тут же — всей своей длиной —
Бессильная, к земле припала,*

*Незамирающе светясь
Неугасимой красотой.
...Полуборванная связь
С неотвратимой высотой.*